

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ
LANGUAGE PROCESSES<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-22-158-171>ЭВФЕМИЗМЫ В МАЗАНДЕРАНСКОМ ЯЗЫКЕ:
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

УДК 811.222.7

Сейеде Мохана

Сейедагаи Резаи Мазандеранский
университет,
Бабольсар,
Исламская Республика
Иран**Аннотация**

В данной статье рассматриваются эвфемизмы в мазандеранском языке – социальное явление, которое невозможно изучить, не обращаясь к социальному контексту, к тому, какие слова люди выбирают в конкретной ситуации и как они воспринимаются собеседником в конкретном языковом сообществе. Мы рассматриваем эвфемизмы в мазандеранском языке, их использование в повседневной жизни, социально-культурные факторы, влияющие на их употребление, и лексико-семантические способы их образования.

Отмечается отрицательное отношение со стороны общества к некоторым понятиям и явлениям, что приводит к возникновению эвфемизмов. Носители мазандеранского языка, как и другие люди в Иране, используют эвфемизмы в социальных и межличностных отношениях, когда хотят избежать ощущения дискомфорта или конфликта при коммуникации.

Большая часть эвфемизмов в мазандеранском языке употребляется в силу социальной обусловленности и нежелания оскорбить чувства людей, когда они говорят на такие болезненные темы, как рождение или смерть человека, телесные и духовные болезни, а также при упоминании определенных частей тела, связанных с «телесным низом» и туалетом, и необходимости избежать произнесения табуированной лексики. Мы рассматриваем эвфемизмы на разных уровнях языка: фонетическом, лексико-семантическом, морфологическом и синтаксическом, и определяем лексико-семантические способы их образования в мазандеранском языке, выделяя такие способы и приемы, как заимствование, метафорический перенос, метонимический перенос, перифраза, гипероним и др.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: табу, эвфемизм, вежливость, термины обращения, коммуникативный эффект, лексико-семантический способ эвфемизации, мазандеранский язык

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Сейеде Мохана Сейедагаи Резаи, 2025

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-22-158-171>

EUPHEMISMS IN THE MAZANDARANI LANGUAGE: A SOCIOLINGUISTIC PERSPECTIVE

UDC 811.222.7

Seyede Mohana

Seyedaghaie Rezaie

University of Mazandaran,
Babolsar, Islamic Republic of
Iran

Abstract

This article explores the use of euphemisms in the Mazandarani language, analyzing them as a sociolinguistic phenomenon that cannot be fully understood without reference to the social context in which they occur. The study focuses on the lexical choices speakers make in particular situations, and how these choices are perceived within the Mazandarani speech community.

The article examines the role of euphemisms in everyday communication, the socio-cultural factors that influence their usage, and the lexical-semantic strategies through which they are formed. It highlights the societal tendency to adopt euphemisms in response to negative attitudes toward certain concepts and phenomena, which are considered inappropriate, sensitive, or taboo.

Speakers of Mazandarani, like other linguistic communities in Iran, frequently employ euphemisms in both social and interpersonal contexts to prevent communicative conflict and avoid causing discomfort to their interlocutors. Euphemisms are commonly used to discuss sensitive topics such as birth, death, physical and psychological illnesses, and bodily functions – particularly references to private body parts and acts associated with toilets – as well as to circumvent socially prohibited or taboo vocabulary.

The analysis considers euphemisms at various linguistic levels, including phonetic, lexical-semantic, morphological, and syntactic. Special attention is given to the lexical-semantic mechanisms underlying euphemism formation in the Mazandarani language. These include borrowing, metaphorical and metonymic transfer, periphrasis, the use of hypernyms, and other rhetorical and linguistic strategies.

KEYWORDS: taboo, euphemism, politeness, terms of address, communicative effect, lexical-semantic method of euphemization, Mazandarani language

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Seyede Mohana Seyedaghaie Rezaie, 2025

1 | Введение

Язык, как живой организм, постоянно изменяется и развивается. Общество и происходящие изменения в обществе, в первую очередь, влияют на язык, а именно на лексику каждого языка. На первых этапах развития общества слово было для людей неотъемлемой частью самого факта, и, чтобы защитить и уберечь себя от гибели, люди были вынуждены соблюдать некоторые условия. Так появляются первые табу, и еще на стадии первобытных суеверий и табу начинают развиваться древние эвфемизмы – дозволенные, скрывающие и косвенные наименования. Например, в русском языке *он, сам, хозяин* вместо *муж*; *она, сама, хозяйка* вместо *жена*. Хотя эти лексические замены давно утратили роль табу, но до сих пор активно употребляются в речи простых людей [Ковшова, 2007: 64].

Эвфемизмы изучаются как комплексный лингвистический, социальный и когнитивный феномен. Говорящие используют эвфемизмы в социальных и межличностных отношениях, когда хотят избежать коммуникативных неудобств и конфликтов, стремясь не создать у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта. Эвфемизмы тесно связаны с социокультурными и психолингвистическими процессами, протекающими в обществе. Они чаще употребляются по моральным, религиозным и политическим мотивам.

Можно разделить эвфемизмы на две группы:

эвфемизмы первой группы употребляются согласно конвенциональному порядку следования социальным практикам вежливости в социуме и в силу нежелания оскорбить чувства окружающих в сообществе, когда люди затрагивают такие (иногда болезненные для человека) темы, как рождение, смерть, болезнь, половой акт, человеческое тело и пр. Используя эвфемизмы данной группы, говорящий старается поддержать социальный престиж самого себя и своего собеседника. При помощи таких эвфемизмов достигается успешная коммуникация.

Эвфемизмы второго вида – это приемы маскировки истины, демагогии и контроля общественного мнения при разговоре на социально-политические темы [Musavi, Badaxshān, 2012: 171]. Носитель языка для достижения успешного коммуникативного эффекта нейтрализует отрицательные компоненты значений с помощью их смягчения.

По Л.П. Крысину, употребление эвфемизмов зависит от контекста и условий речи: чем жестче социальный контроль речевой ситуации и самоконтроль говорящим собственной речи, тем более вероятно появление эвфемизмов; напротив, в слабо контролируемых речевых

ситуациях и при высоком автоматизме речи (например, при общении в семье, с друзьями и т.п.) эвфемизмам могут предпочитаться «прямые» обозначения [Крысин, 1994: 76].

Запрет на употребление некоторых слов или выражений исторически способствовал совершенствованию коммуникативности и поддержанию социального статуса человека в обществе. Причем использование эвфемизмов в этой функции связано со сферой общения и социальным статусом участников общения. Чем выше социальный статус коммуникантов, чем большей официальностью и торжественностью характеризуется сфера общения, тем выше частотность использования эвфемизмов.

С другой стороны, у каждого человека есть закрытые, тайные сферы жизни, которые вызывают чувство неловкости, стыдливости, неудобства, причем общество веками воспитывает презрительно-стыдливое отношение к так называемым «низменным, животным» моментам и потребностям человека, не позволяя людям легко и свободно говорить об интимной сфере жизни, физической или умственной неполноценности, половых органах, физических отправлениях и пр. Таким образом, люди постоянно стараются выбирать приемлемые для социума слова и выражения, чтобы достигнуть понимания. В силу этого основным условием эффективной коммуникации является соблюдение правил этикета.

2 | Применение эвфемизмов в Мазандеране

В Иране, в частности Мазандеране, люди никогда не станут прямо указывать на физические недостатки других. При этом употребляются вторичные наименования понятий и действий с отрицательным денотатом. В подобных случаях для передачи таких чувств собеседника, как недовольство, сочувствие, осуждение и пр., носители мазандеранского языка выбирают следующие выражения:

- 1) *bi-dele* ‘безмозглый’ (букв. без внутренности);
- 2) *āqūz-e bi-dele* ‘боязливый и несмелый (человек)’ (букв. грецкий орех без ядра);
- 3) *das kaj* ‘нечистый на руку (человек), вор’ (букв. рука кривая);
- 4) *mis* ‘скупой (человек)’ (букв. кулак);
- 5) *xasingene dāšten* ‘злобный (человек)’ (букв. иметь зоб);
- 6) *gu xām-kaš* ‘прибирающий к рукам, присваивающий чужую собственность’, ‘хитрый’ (букв. (тот, кто) выделывает коровью шкуру, ничего не упускающий (человек));
- 7) *du gir* ‘очень бедный’ (букв. берущий пахту у благотворителей, т.е. настолько бедный, что его единственной пищей является пахта);

8) *serx-e šelvār* ‘палач’ (букв. (в) красных штанах, т.к. в старину палачи носили красные штаны);

9) *desar-kuten* ‘сплетник’ (букв. два+голова+стучать), применяется для обозначения ударного музыкального инструмента, который представляет из себя две глиняные чаши, открытая сторона которых затянута телячьей кожей. Звук извлекают ударом двух деревянных палочек (маз. *kutenā*). Название этого музыкального инструмента употребляется в переносном значении, так как он издает много шума;

10) *mangali* ‘курильщик опиума’ (букв. (сидящий у) мангала). В этом случае наименование мангала как инструмента для курения опиума заменено наименованием действующего лица.

11) *talxaki* ‘опиум; наркоман’ (букв. горький (вкус) + суф. *i*). В первом случае дается перенос наименования с главного свойства этого вещества на само вещество; во втором, – на человека, который им злоупотребляет.

Эвфемизмы этой группы, в основном, образованы путем метонимического переноса.

2.1 Передача понятий, связанных с болезнью и смертью

Человек всегда боялся смерти и связанных с ней страданий. Осознавая их неотвратимость, люди стараются избежать их прямого наименования. Поэтому во всех языках можно найти немало эвфемистических слов и выражений на тему смерти.

Чтобы передать понятия, связанные со смертью косвенным образом, мазандеранцы используют разные приемы:

1) Указываются отдельные признаки близкого конца жизни человека, связанные со смертью:

vene češ palver demāsse.PST.3SG (букв. его взгляд упал на бревна на крыше);

vene tašt bene dakete.PST.3SG (букв. его корыто упало), шум, вызванный падением металлического корыта, является признаком смерти и сообщает окружающим о смерти человека;

čār kase duš burden.INF (букв. идти на плечах четырех человек), здесь дается косвенное указание на погребальные носилки, у которых четыре угла и которые до места захоронения несут на плечах четыре человека;

pali dagereste.PST.3SG (букв. повернулся в (иную) сторону).

Данные метонимические конструкции косвенно указывают на смерть с помощью наименования ее признаков.

2) Говорящие стараются задать этому неприятному событию иное направление, связав с волей Божьей, считая смерть милостью Божьей и знаком прощения:

xedā biyamorzi bayye.PST.3SG (букв. Бог простил его);

marhum bayye.PST.3SG (букв. (он) был благословлен);

be rahmete xedā burde.PST.3SG (букв. (он) ушел в благословение Господа).

3) Смерть описывается как путешествие в иной мир:

dar-e šurne.PRS.3SG (букв. (он) уходит).

4) Вместо слова «смерть» используется его антоним – «жизнь»:

še omre hedā šema re (букв. свою жизнь отдал вам). В этом примере представлен перенос наименования с одной ситуации на другую. Его можно считать точным эквивалентом русского эвфемистического фразеологизма *приказать кому-л. долго жить*;

vere piš dakete.PST.3SG (букв. (смерть) настигла его), т.е. он умер внезапно, до своего срока;

vene reutāne poor bayye.PST.3SG (букв. его чаша/мера была переполнена), т.е. его жизнь прервалась.

5) Другой распространенный способ эвфемизации – аллегория:

rahmet-e xar-e sevār bayye.PST.3SG (букв. ехал верхом на осле Рахмата).

Неизлечимые и смертельные заболевания, возникающие в результате половых сношений, а также физические и психические недостатки – еще одно смысловое поле, которое требует эвфемизации. Приведем несколько примеров:

1) Говорящие на мазандеранском языке никогда прямо не говорят о раке. Они образуют эвфемизм путем генерализации значения: *gat-e marizi* ‘рак’ (букв. большая болезнь);

2) *dele darim beham baxerden*.INF ‘понос и рвота’ (букв. (его) желудок и внутренние органы расстроились);

3) *attā jā nešin bayye*.PST.3SG ‘становиться немощным, бессильным’ (букв. (тот, кто) сидит неподвижно). Здесь физическая немощность может быть следствием старости или инвалидности;

4) *čeng bayye, čengeli bayye*.PST.3SG ‘стать паралитиком’ (букв. сжиматься в комок);

5) *vere piš biyamu*.PST.3SG (букв. с ним что-то случилось) косвенно указывает на то, что человек сходит с ума;

6) *mariz bayye.PST.3SG* ‘месячные’ (букв. заболела);

7) *reg bayye.PST.3SG* ‘месячные’ (букв. менструация). В данном случае мы сталкиваемся с интересным примером эвфемизации на основе заимствования. Поскольку заимствованные интернациональные слова не знакомы носителям мазандеранского языка, они могут широко использоваться в качестве эвфемизмов. К ним обращаются, чтобы не только камуфлировать негативный денотат, но и вносить в речь ощущение более высокого стиля общения. Слово «رگ» [reg] в мазандеранском языке связано с русским *регулы* (вм. менструация), которое имеет латинский корень и употребляется в речи медиков. Слово «رگل» [regl] вошло и в персидский язык; оно заимствовано из французского языка и имеет то же значение [Anvari, 2002: 3672];

8) *čāč ček-ček kene.PRS.3SG* ‘месячные’ (букв. водосточная труба протекает). В этом примере эвфемизм образуется с помощью метафоры.

2.2 Передача понятий, связанных с родами и беременностью

Вместо табуируемых понятий рождения ребенка и беременности употребляются зашифрованные единицы, образованные путем метонимического переноса, так как косвенно указывают на какую-то особенность, связанную с этими процессами:

1) *mār-o-vače kenār burdene.PST.3PL* (букв. мать и ребенок идут в сторону);

2) *mār-o-vače sivā baynene.PST.3PL* (букв. мать и ребенок разделены);

3) *mār sabek bayye.PST.3SG* (букв. мать стала легкой);

4) *mere kenār hakerde.PST.3SG* (букв. отослала меня в сторону), т.е. акушерка помогла мне во время родов;

5) *sangin bayye.PST.3SG* (букв. она стала тяжелой). В русском языке тоже существуют подобные эвфемизмы: глагол *отяжелевать/отяжелеть* вместо *беременеть/забеременеть*, и прилагательное *тяжелая* вместо *беременная* являются языковыми эвфемизмами, образованными с помощью метонимического переноса.

6) *vene ešeket bālā biyati.PST.3SG* ‘быть беременной’ (букв. у нее живот вырос).

2.3 Передача понятий, связанных с туалетом

Для названия такой деликатной темы, как туалет и связанных с ним понятий также используются разные эвфемистические единицы, образованные на основе метонимического переноса:

- 1) *birun burem*.PRS.1SG (букв. (я) выйду);
- 2) *bene burem*.PRS.1SG (букв. (я) спускаюсь вниз);
- 3) *ou kenār burem*.PRS.1SG (букв. (я) подойду к воде);
- 4) *āb-riz burem*.PRS.1SG (букв. (я) иду в туалет (*āb* ‘вода’ + *riz* ‘сток’));
- 5) *āftube (jeri) bayrem*.PRS.1SG (букв. (я) беру кувшин для омовения (медный, жестяной или пластмассовый); необходимо упомянуть, что в Мазандеране туалеты находились вне дома рядом с ручьем.

2.4 Наименования сверхъестественных сил

Объектом эвфемизации выступают и наименования сверхъестественных сил. Такие как демон, джинн и др. При этом используется прием перифразы и антонимии:

1) *bi-me[h]ri* обозначение сверхъестественных сил (букв. неприязнь, нелюбовь, недружелюбие, или неверующий) при перс. *mehr* ‘привязанность, любовь’, *mehrebān* ‘ласковый, добрый, милосердный’. В основе этого исторического эвфемизма лежит наименование индоиранского божества – Митры (Мехр), связанного с понятиями дружбы, справедливости, договора, согласия и солнечного света.

Следы поклонения Митре все еще ощущаются в Иране, в частности на севере, в Гиляне и Мазандеране (см. подробнее [Naderi, 2020: 2]). Мазандеранцы верят, что, произнеся связанные с его именем формулы, можно отогнать от себя злые силы. Имя этого божества в регионе принято произносить в молитвенной формуле (*me[h]r hakerden*.INF) при посещении бани, которая считалась центром скопления нечисти, или когда люди проходили ночью мимо страшных мест: кладбища, леса или пустынного места. Считалось, что все сверхъестественные силы бегут от упоминания этого имени.

2) Выражение *bi-vaqti bayye*.PST.3SG ‘одержимый’ (букв. поздним, несвоевременным стать) образовано при помощи метонимического переноса. Мазандеранцы верили, что джинны являются в мир поздним вечером и беспокоят того, кто выходит из дома в темное время суток. Этот эвфемизм чаще всего употребляется в речи женщин. Он применяется, если на теле человека без причины появляется синяк или покраснение. Считается, что джинны ущипнули человека и синяк – результат этого.

3) *unā / oināni* ‘джинны’ (букв. личное местоимение 3 л. мн. ч. ‘они’). При этом с помощью местоимения, в силу его денотативной неконкретности, отсутствия семантических признаков и его синтетичности, создается семантическая неопределенность. Подобные

примеры существуют и в русском, и в персидском языках. В персидском языке вместо ‘джинны’ может употребляться личное местоимение *ān-hā* (букв. они), или находим устойчивое словосочетание *az mā behtarān* (букв. (те, что) лучше нас).

Суеверные воззрения и религиозные факторы считаются причиной появления запрета на то, чтобы прямо называть некоторых зверей. Например, в Мазандеране для обозначения волка употребляется *jānever* (букв. животное, зверь). В этом случае использование в речи гиперонима вместо его гипонима создает семантическую неопределенность. Так образуется эвфемистическое понятие.

В некоторых районах Ирана прямо не называют змею. Для ее упоминания иранцы используют такие перифразы в функции эвфемизма, как *band-e čāh* (букв. канат для колодца), или *čub-e gaz* (букв. палка для измерения единицы длины-газ).

Другой пример этой группы, это эвфемизм *āfat* ‘свинья’ (букв. вредитель). Свиньи повреждают поля и, по религиозным представлениям, считаются вредными и нечистыми животными. Если мазандеранцы хотят прямо назвать это животное, то используют некоторые сигналы, как *xalā bi-adabiye* ‘очень невежливо (упоминать ее)’ (букв. очень невежливо), чтобы в некоторой степени снизить негативное впечатление от этого понятия.

Отметим, что в каждом языке есть сигналы и маркеры социального запрета, предупреждающие об эвфемизмах и в устной, и в письменной речи. Как указывает Е.П. Сеничкина, к маркерам эвфемизмов принадлежат паузы, предшествующие эвфемизмам, и специальные слова или сочетания, предназначенные подготовить собеседника к восприятию чего-то неприятного, постыдного, ужасного. В русском языке сигналами эвфемистической ситуации способны быть такие слова и высказывания, как *несколько, немного, мягко говоря, мягко выражаясь, в некотором роде, в некотором смысле, так сказать, иначе говоря, по более осторожному выражению, фигурально выражаясь, это было более крепко сказано; это было сказано без обиняков* и проч. Нельзя упустить из виду, что слова *несколько, немного* и их дериваты способны быть не только сигналами эвфемизма, но и выполняют эвфемистическую функцию самостоятельно [Сеничкина, 2012: 63].

В персидском языке встречаются сходные выражения:

- 1) *ruy-am be divār* (букв. мое лицо к стене),
- 2) *gol be ruye-tān* (букв. (пусть это будет для вас как) розовая вода) ‘пусть вам не будет противно’,

- 3) *zabān-am lāl* (букв. мой язык нем) в функции сигналов эвфемизма. Носители персидского языка употребляют эти выражения, когда говорят о грубых выражениях или затрагивают «нетактичную тему» [Rahimniyā, 2007: 328].

И в мазандеранской, и в персидской устной речи сигналом эвфемистической ситуации является особое понижение тона голоса. На письме понижение тона передаётся описательно. При отсутствии подобной ремарки понижение тона отмечается многоточием, указывающим на паузу, на факт замедления темпа речи. Иногда эвфемизмы в письменном тексте заключаются в кавычки или выделяются с помощью других полиграфических средств – курсива, разрядки и т.д.

2.5 Обозначение женщины

Рассмотрим приемы, используемые при обращении друг к другу. Термины обращения являются окном, открытым для социальных и культурных различий в обществе, и раскрывают отношение людей друг к другу. Вежливость, формальность, власть и солидарность влияют на использование различных типов формул обращения мужчинами и женщинами.

Вежливость и власть являются функциями социальной структуры и зависят от убеждений, общественного мнения и различных ожиданий общества от мужчин и женщин. В большинстве случаев женщины в своей речи более формально и чаще применяют вежливые обращения, чем мужчины той же социальной группы, того же возраста и с тем же уровнем образования. Кроме того, из-за более низкой социальной защищенности и нестабильности социального статуса женщины рассматривают язык как критерий определения социального статуса [Birounrah, Kazemi, 2018: 19–20].

В иранской культуре не принято прямо и открыто говорить о женщинах, обсуждать их или называть их какими-то словами. В связи с этим возник целый ряд эвфемизмов. Но в настоящее время благодаря повышению грамотности и расширению доступности женщин к образованию, иранское общество стремится к снижению уровня дискриминации по полу и к равенству мужчин и женщин. Перечислим некоторые из таких эвфемистических замен, образованных с помощью метонимического переноса.

Многие из этих эвфемизмов-обращений ныне вышли из активного употребления в персидском языке и уже не входят в словарный запас носителей средних возрастов:

- 1) Арабское *beyt* (букв. дом, храм, помещение) выступает в функции эвфемизма, и муж в семье использует это слово взамен прямого обращения к своей жене и дочерям. При

образовании этого эвфемизма используется прием переноса наименования по смежности – места и его жителей.

2) Арабское *haram* имеет несколько значений: ‘гарем; женская половина дома’ (обычно у богатого мусульманина); ‘запретное, священное место’, ‘храм; святилище’, ‘женщины какого-л. семейства (жена, сестры, дочери)’, ‘жены и наложницы богатого мусульманина’ [Rubinčik, Osmanov, Dorri, 2003: 499]. Последнее значение этого слова может выступать в функции эвфемизма взамен прямого обращения к женщинам в рамках семьи.

3) Относительное прилагательное *хеуте-ги* (букв. (живущие в) шатре), связанное со словом *хеуте* (букв. шатер) в переносном значении выполняет эвфемистическую роль и употребляется вместо ‘женщины и дочери’.

4) Слово *manzel* (букв. жилище) тоже как эвфемизм косвенно указывает на женщин и дочерей одной семьи.

Вышеуказанные примеры образованы с помощью метонимического переноса – переноса наименования с помещения на его жителей.

5) Устаревшее прилагательное *pušide-ru* (букв. с закрытым лицом, скрывающая лицо под вуалью, чадрой) употреблялось в переносном эвфемистическом значении взамен прямого обращения к женщинам / девушкам. В этом примере в качестве способа эвфемизации использована синекдоха: происходит перенос наименования с описания облика женщины по предмету одежды (части) на женщину в целом.

2.6 Термины обращения в рамках семьи: термины родства и свойства

В диалектах персидского языка также существуют эвфемистические замены при обращении. Социокультурные нормы иранского общества запрещают прямо называть мужа, жену, и даже отца и мать супругов. Женщины тщательно соблюдают эти запреты по сей день. В социокультурных условиях иранского общества женщине нельзя прямо называть мужа, свекра и свекровь. В большинстве случаев, особенно в сельской местности женщины соблюдают эти запреты и сегодня [Rezāyati, 2008: 106].

В мазандеранском и гилянском языках женщины употребляют следующие эвфемистические замены при обращении к мужу вместо прямого обозначения (называния) мужа:

маз. *vašunā pēr*, гил. *zākānā pēr* (букв. отец детей);

маз. *amə sar-e sāyə*, гил. *ami sər sāyə* (букв. наш покровительствующий); или называют своего мужа именем старшего сына *Hasən-ə pēr* (букв. отец Хасана).

Гилянские и мазандеранские женщины обычно употребляют эвфемистические замены для обращения также к свекрови и свекру. Более вежливыми, тактичными считаются такие лексические замены:

маз. *dadə* (букв. мама); гил. *pilə xānəm* (букв. великая госпожа), *məštə xānəm* (*məštə* – букв. машхади: обращение к человеку, посетившего гробницу имама Резы в Мешхеде), *kəblā xānəm* (букв. кербелаи: тот, кто посетил святое для шиитов место смерти имама Хосейна в Кербеле) [Rezāyati, Āqā, 2008: 106–107].

В свою очередь, мужчины при обращении к жене также применяют соответствующие обороты:

маз. *amə vačūnə mār*, гил. *zākānə mār* (букв. мать детей); *Hasən-ə mār* (букв. мать Хасана);

маз. *amə kaie-paj* (букв. женщина, которая готовит тыкву), гил. *ami pelāpačan* (букв. наша кухня).

3 | Заключение

Итак, обозначив круг тем в мазандеранском языке, связанных с эвфемизацией, мы определили лексико-семантические способы образования эвфемизмов. Мы выделили такие способы и приемы, как метафорический перенос, метонимический перенос, заимствование, гипероним и др.

Поскольку язык связан с обществом, его устройством, он меняется вместе с обществом. В мазандеранском языке большая часть эвфемизмов употребляется в рамках этикетных норм и обусловлена нормами социальной вежливости.

Эвфемистическая лексика употребляется с целью избежать оскорбления чувств людей при разговорах на такие темы, как рождение, смерть, болезни, части тела, связанные с «телесным низом», туалетом, а также в связи с необходимостью избежать употребления табуированной лексики.

Отношения между коммуникантами оказывают влияние на выбор терминологии, стиля, регистра речи. В настоящее время в обществе широко распространены эвфемистические замены при обращении друг к другу разных по возрасту и полу людей. Использование разных формул обращений передает чувства, такие как степень физической удаленности/близости,

психологической зависимости в отношениях собеседников. Очень строго регламентируется употребление терминов родства и свойства в рамках традиционной семьи в целом и особенно молодой невестки.

ЛИТЕРАТУРА

- Ковшова М. (2007) Семантика и прагматика эвфемизмов. М.: Гнозис. 318 с.
- Крысин Л.П. (1994) Эвфемистические способы выражения в современном русском языке // Русский язык в школе. 1994. №5. С. 76–82.
- Сеничкина Е.П. (2008) Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта: Наука. 458 с.
- Сеничкина Е.П. (2012) Эвфемизмы русского языка / спецкурс. М.: Флинта. 148 с.
- Anvari, H. (2002) *The Great Culture of Speech*. Tehran: Sokhan.
- Birounrah, B., Kazemi, F. (2018) The Effect of Verbal Politeness and Power on the Choice of Address Terms: A Sociolinguistics Approach. *Pazand Quarterly*. Number 14, pp. 5–24.
- Musavi, S., Badaxšān, I. (2012). Indecent euphemisms. *Linguistic Research in Foreign Languages*, Number 2, pp. 171–187.
- Naderi, P. (2020) The religion of love worship and the myth of goddess Mitra in Iranian mythology. National conference of interdisciplinary research in management and humanities, collection of articles of the first national conference of interdisciplinary research in management and humanities. 1–7 p.
- Rahimniya M. (2007). *Dictionary of idioms and proverbs*. Tehran: Golpā.
- Rezayati, M., Cheraqi, R. (2008) Social lexicology of Gilaki dialect: terms of kinship and gender. *Journal of language and literature of Mashhad Faculty of Literature and Human Sciences*. Number 161, pp. 95–110.
- Rubinchik, Y., Osmanov, N., Dorri, J. (2003) *Persian-Russian dictionary*. Mashhad: Javedan-e kherad.

REFERENCES

- Kovshova, M. (2007) *Semantika i pragmatika evfemizmov* [Semantics and pragmatics of euphemisms]. Moscow: Gnosis (In Russian).
- Krysin, L.P. (1994) *Evfemisticheskie sposoby vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke* [Euphemistic ways of expression in modern Russian], *Russkiy yazyk v shkole*, no. 5, pp. 76–82 (In Russian).
- Senichkina, E.P. (2008) *Slovar evfemizmov russkogo yazyka* [Dictionary of euphemisms of the Russian language]. Moscow: Flint; Nauka (In Russian).
- Senichkina, E.P. (2012) *Evfemizmy russkogo yazyka: spetskurs* [Euphemisms of the Russian language: special course]. Moscow: Flinta. (In Russian).
- Anvari, H. (2002) *Farhang-e bozorg-e sokhan* [The great culture of speech]. Tehran: Sokhan (In Persian).
- Birounrah, B. and Kazemi, F. (2018) Bāznamāyi-ye tasir-e qodrat va adab-e kalāmi bar kārbord-e vāžeh-hā-ye xatāb dar goftār-e zanān va mardān az didgāh-e zabānšenāsi-ye ejtemāi [The effect of verbal politeness and power on the choice of address terms: a sociolinguistic approach], *Pazand Quarterly*, no. 14, pp. 5–24 (In Persian).
- Musavi, S. and Badaxšān, E. (2012) Hosn-e taābir-e nā-pasand [Indecent euphemisms], *Pajuheš-hā-ye zabānšenākhti dar zabān-hā-ye xāreji*, no. 2, pp. 171–187 (In Persian).
- Nāderi, P. (2020) Āin-e mehrparasti va ostūre-ye elāhe-ye Mitrā dar asātir-e Īrān [The religion of love worship and the myth of the goddess Mitra in Iranian mythology], *Hamaeš-e melli-ye pajuheš-hā-ye miyān-reštei dar modiriyat va olūm-e ensāni*, pp. 1–7 (In Persian).

- Rahimniyā, M. (2007) *Farhang-e zarbolmasal-hā va estelāhāt-e āmiyāne* [Dictionary of idioms and proverbs]. Tehran: Golpā (In Persian).
- Rezāyati, M. and Čerāqi, R. (2008) Vāžešenāsi-ye ejtemāi-ye gueš-e Gilaki: estelāhāt-e xīšāvandi va jensīyat [Social lexicology of the Gilaki dialect: terms of kinship and gender], *Majalle-ye taxasosi-ye zabān va adabiyāt va olūm-e ensāni-ye Mašhad*, no. 161, pp. 95–110. (In Persian).
- Rubinčik, Y., Osmanov, N. and Dorri, J. (2003) *Farhang-e fārsi be rusi* [Persian-Russian dictionary]. Mashhad: Javedān-e Xerad (In Persian / Russian).

Сейеде Мохана Сейедагаи Резаи – кандидат филологических наук, ассистент профессора, преподаватель кафедры русского языка факультета персидской литературы и иностранных языков Мазандеранского университета, Бабольсар, Исламская Республика Иран.
Адрес: 13534-47416, Иран, провинция Мазандеран, г. Бабольсар, улица Пасдаран, 111.
Эл. адрес: m.rezaie@umz.ac.ir
<https://orcid.org/0000-0002-9180-3874>

Seyede Mohana Seyedaghaie Rezaie – PhD (Philology), Assistant Professor, Department of Russian Language, Faculty of Persian Literature and Foreign Languages, University of Mazandaran, Babolsar, Islamic Republic of Iran.
Address: Pasdaran Street 111, Babolsar, Mazandaran Province, Iran, 13534-47416.
E-mail: m.rezaie@umz.ac.ir
<https://orcid.org/0000-0002-9180-3874>

Для цитирования: Сейеде Мохана Сейедагаи Резаи. Эвфемизмы в мазандеранском языке: социолингвистический аспект // Социолингвистика. 2025. № 2 (22). С. 158–171. DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-158-171

For citation: Seyede Mohana Seyedaghaie Rezaie. Euphemisms in the Mazandarani Language: A Sociolinguistic Perspective // Sociolinguistika. 2025. No. 2 (22). Pp. 158–171. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-2-22-158-171

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 26.10.2024;
approved after reviewing 19.05.2025;
accepted for publication 25.06.2025.